

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. В. Чернецов

«ЧАСТЬ С ЧАСТЬЮ, КОСТЬ С КОСТЬЮ»

(рецензия на книгу «Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в.» (составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова). М., 2010)

Каждому, для кого представляет интерес развернутая картина народных суеверий на возможно более раннем хронологическом срезе, можно посоветовать ознакомиться с Олонецким сборником второй четверти XVII в. (далее — ОС), содержащим исключительно крупную подборку разнообразных магических текстов (заговоров). Эта замечательная рукопись, большая часть текста которой опубликована еще в 1913 г.¹, в настоящее время впервые издана полностью в рецензируемой книге.

Первое знакомство с ее текстом может привести в замешательство недостаточно опытного читателя. Заклинание, помещенное на л. 18 (С. 107), звучит следующим образом: «Новзов мустас мерес муст мезь, мустат рясят пял...». На одной из соседних страниц русский текст неожиданно переходит в тарабарский (в самом точном значении слова): «також бы пала (на меня) красота и лепота дамя и чолноцамя шесикоцо тпяфа Рижайса Зецомошига шлея Мули» (Л. 16; С. 106). К счастью, многолетние исследования сборника показали, что первое заклинание записано на западнофинском (карельско-вепсском) языке, причем его начало имеет точный перевод в русскоязычной части сборника «Ис того моря черного выдет черной муж» (С. 130. № 103). Тарабарщина с упоминанием загадочного Рижайса — простейшая, широко распространенная тайнопись, которая легко поддается расшифровке. В ней упоминается «царь и господарь великий князь Михаил Федорович всея Руси». Справедливости ради необходимо признать, что часть загадочных слов, встречающихся в рукописи, в частности неизвестные имена собственные, на сегодняшний день остаются необъясненными.

Вышедшая в свет в 2010 г. книга «Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в.» (составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова) опубликована издательством «Индрик» в серии «Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов». В этом издании вводится в научный оборот чрезвычайно большой материал. Достаточно сказать, что в книге 832 страницы (более 50 п. л.); в ней публикуется около 500 текстов из 36 рукописей, хранящихся в 8 рукописных собраниях и архивах.

Наиболее ценной рукописью, публикуемой в книге, является уже упоминавшийся ОС. Сборник известен со второй половины XIX в., когда он был открыт и частично опубликован

¹ Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

учителем Петрозаводского духовного училища Л. Л. Малиновским². Первая публикация может быть с полным основанием отнесена к непрофессиональным, дилетантским. Так, Малиновский не приводит сведений о происхождении и первоначальных владельцах рукописи. Он не сумел прочесть имеющиеся в ней простейшие криптограммы, в которых, в частности, наличествует имя правящей царствующей особы — Михаила Федоровича Романова (1613–1645 г.). Соответственно, Малиновский приводит ошибочную датировку рукописи — XVIII в. Вместе с тем нельзя не отметить важные заслуги первооткрывателя рукописи. Прежде всего, он смог оценить бросающиеся в глаза исключительные богатство и разнообразие ее содержания. Малиновский сумел достаточно правильно опознать языковую принадлежность неславянских текстов сборника, написанных, по его словам, «на корельском (карельском) языке, Повенецкого наречия». Наконец, он передал рукопись в Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей, что обеспечило ее сохранность.

Первая подлинно научная работа, посвященная ОС, принадлежит В. И. Срезневскому (1913 г.). Рукопись к этому времени поступила в Санкт-Петербургскую Библиотеку Академии наук. В. И. Срезневский, по-видимому, не знал о публикациях Л. Л. Малиновского. Он издает подробное полное описание рукописи; публикует 87 из 116 текстов на русском языке. В. И. Срезневский сумел расшифровать криптограммы и на основании их прочтения датировал рукопись первой половиной XVII в.

В. И. Срезневский не опубликовал тексты, записанные на одном из западнофинских языков. Однако он консультировался по поводу их языковой принадлежности с профессором Э. Н. Сетяля, который определил ее как «весьскую» (вепсскую). В. И. Срезневский помещает в свое описание рукописи перевод начальных слов этих заговоров, сделанный известным филологом В. Й. Мансиккой.

Ранняя датировка ОС, а также богатство его содержания привлекли внимание ряда исследователей, начиная с Н. Ф. Познанского и Е. Н. Елеонской. Однако дальнейшее развитие гуманитарных наук в России было ознаменовано негативным отношением к изучению рукописей, отражавших суеверные представления. Поэтому полная комментированная публикация ОС, исключительное научное значение которого выяснилось сразу после публикации 1913 г., была впервые осуществлена А. Л. Топорковым лишь спустя без малого сто лет.

Изучение рукописных материалов, отражающих суеверные представления (заговоров, гадательных книг, а также судебных дел о колдовстве), на рубеже XIX–XX в. шло весьма интенсивно. При этом изучение заговоров в составе рукописного наследия в методическом плане несколько отставало от изучения других текстов. Заговоры воспринимались как материал по преимуществу фольклорный, рукописные тексты обычно фигурировали в рубрике «из старинной рукописи», без уточнения вопросов датировки и места происхождения. Заговоры, как правило, изымались из контекста рукописей; представление о том, что совокупность заговоров, находящихся в одном сборнике, имеет особую источниковедческую ценность, еще не сформировалось. После революции интерес к «суеверным» текстам резко падает, причем на рубеже 1920–1930-х годов эта тема становится фактически запретной.

Возрождение интереса к подобным текстам в нашей стране относится к 70–80-м годам XX в. Здесь в первую очередь следует упомянуть публикации Н. Н. Покровского. В изданиях суеверных текстов последней четверти XX в. анализ и комментарии зачастую сводились к минимуму или даже вовсе отсутствовали. Это вполне объяснимо, поскольку традиция изучения подобных, весьма трудных для интерпретации материалов в отечественной науке была полностью утрачена. В дальнейшем ситуация начала меняться, появились исследователи, занимающиеся данной темой вполне профессионально. Именно к этой волне исследователей принадлежит А. Л. Топорков.

² Малиновский Л. Л. Заговоры и слова по рукописи XVIII в. // Олонецкие губернские ведомости. 1876, 28 февраля. № 15; 3 марта. № 16; 10 марта. № 18.

Изучение западнофинских заговоров ОС имеет самостоятельную историю. Дело в том, что перед нами один из наиболее ранних случаев письменной фиксации этих языков. В своей работе о вепсах В. В. Пименов³ (см. с. 47) пишет о промежуточном диалектном положении языка западнофинских заговоров ОС. В дальнейшем А. П. Баранцев определил язык заговоров как принадлежащий к людиковскому диалекту карельского языка. Им же был опубликован перевод этих заговоров на русский язык⁴. В публикации, подготовленной А. Л. Топорковым, полный текст и новый перевод западнофинских заговоров сборника подготовлены петербургским лингвистом С. А. Мызниковым (см. приложение на с. 286–310), который считает более правильным рассматривать эти тексты как «карельско-вепские». В ходе подготовки ОС для рецензируемой публикации удалось выявить в его составе еще один западнофинский текст.

В моей совместной с А. А. Туриловым работе отмечалось исключительное источниковедческое значение сборников заговоров по сравнению с отдельными заговорными текстами в составе сборников⁵. В отличие от последних сборники позволяют увидеть некую панораму народных верований; представляют собой своеобразные «священные книги» русского суеверия. Естественно, такой сборник тем ценнее, чем он древнее, а также чем он богаче и разнообразнее по составу. В этом плане ОС не имеет конкурентов в русской рукописной традиции. Он датируется не только допетровским, но и дониконовским временем. Рядом с ним по древности можно поставить лишь Великоустюжский сборник (далее — ВУ⁶), близкий ОС и по времени и по месту происхождения. Однако ВУ несколько уступает ОС по объему и весьма существенно — по тематическому разнообразию текстов. Оба памятника значительно расширяют хронологический диапазон русской заговорной традиции, которая нередко рассматривается как фольклорно-этнографическая по преимуществу.

ОС — безусловно, наиболее ценный, эталонный памятник, публикуемый в книге. Соответственно, ему уделено особое внимание. Раздел, посвященный этой рукописи, выделен в отдельную часть; только этому сборнику предпослана обширная вводная статья. Только эта рукопись сопровождается специальным словариком диалектных и устаревших слов, а также приложением, посвященным западнофинским текстам в ее составе.

Другие памятники XVII в. представлены в публикации 8 рукописями. Из них две опубликованы Е. Н. Швейковской (в одном случае заговоры были ранее напечатаны другим автором), одна рукопись — А. Л. Топорковым совместно с Л. И. Сазоновой; источниковедческий комментарий к судебному делу 1688–1689 г. подготовлен Е. В. Публичук; одна рукопись была ранее опубликована частично; 4 фигурируют в опубликованных описаниях рукописных собраний и еще одна — в отчете о новых поступлениях.

XVIII в. представлен 18 рукописями. Из них две подготовлены для издания А. Б. Ипполитовой и Е. Е. Васильевой, еще одна опубликована совместно с Л. И. Сазоновой; комментарии к одной рукописи составлены совместно с И. Валлотон. Два заговора из одной из рукописей были ранее опубликованы. Семь рукописей фигурируют в описаниях рукописных собраний.

Первая половина XIX в. представлена 9 рукописями. Из них 4 упомянуты в описаниях рукописных собраний.

Таким образом, в книге использованы 20 рукописей, отсутствующих в опубликованных описаниях рукописных собраний; тексты из более чем 30 рукописей публикуются впервые. Это, безусловно, исключительно весомый вклад в науку.

Ответственным редактором книги выступил известный знаток восточно- и южнославянской рукописной традиции А. А. Турилов. Он подготовил для публикации ряд ценных комментариев.

³ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

⁴ Баранцев А. П. Людиковские заговоры начала XVII в.: тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. Т. 23. № 4. С. 285–294.

⁵ Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / Отв. ред. А. Л. Топорков и А. А. Турилов. М., 2002 (далее — ОЧ). С. 13–16.

⁶ Там же. С. 177–124.

Все же, несмотря на то что к работе над книгой было привлечено значительное число специалистов, нельзя не отметить, что львиная доля этой гигантской работы проделана А. Л. Топорковым.

Комментарии к публикуемым текстам в некоторых случаях могут показаться излишне развернутыми; в то же время некоторые темные места рукописей так и остаются неясными. По этому поводу можно только заметить, что при работе с подобными рукописями пока что не выработаны четкие нормативные требования. Разработки, предлагаемые А. Л. Топорковым и его коллегами, могут только приветствоваться как пример, заслуживающий подражания и дальнейшего совершенствования.

Источниковедческое значение сборников или подборок текстов, идущих в рукописях подряд и включающих только заговоры, гораздо выше, чем единичных текстов или антологий разрозненных текстов, хотя бы они и были извлечены из одной рукописи. Исходя из этого соображения, привожу собственную статистику памятников. В случае, если заговоры перемежаются в рукописи с пространными апокрифическими молитвами (типа «Сна Богородицы»), гадательными статьями, фрагментами травников и лечебников, не сопровождающимися заговорными формами, соответствующие рукописи или их разделы не могут рассматриваться как сборники заговоров или их подборки, а лишь как некие комплексы текстов оккультного характера широкого плана. В число сборников, содержащих только заговоры, я включаю и те, где кроме заговоров представлены комментирующие их чародейские рецепты, а также молитвы, по-видимому, использовавшиеся с теми же (суеверными) целями, что и заговоры.

Сборники, в которых вполне очевидно преобладают заговорные тексты, представлены для XVII в. одной рукописью. Это уже неоднократно упоминавшийся ОС. Сборники заговоров XVIII в. представлены 6 рукописями; XIX в. — двумя (одна из последних является составной, причем две отдельные тетрадки содержат только заговоры). Таким образом, можно говорить о 10 рукописных тетрадках, заполненных почти исключительно заговорными текстами. Значительные подборки заговоров, в которых подобные тексты идут подряд, представлены в 7 рукописях, причем в 4 из них можно видеть по две подобные подборки, разделенные текстами иного содержания. Таким образом, мы имеем дело еще с 11 комплексами заговорных текстов.

Рукописей, содержащих по 1–3 заговорных текста, насчитывается 11. Из них 7 содержат только заговорные тексты (в трех случаях по одному), четыре же рукописи содержат помимо единичных заговоров также тексты иного рода. Восемь рукописей содержат заговоры, окруженные текстами другого характера; они не составляют компактных комплексов и публикуются по принципу антологии. Наряду с заговорами в рецензируемой книге публикуются тексты из лечебников и сборников смешанного состава.

Три рукописи отмечены значительными следами инокультурных влияний. Одна из них, «Таинственная книжка» 1762 г. (С. 446–460), представляет собой переводной текст, включающий заклинания на латинском языке и астрономо-астрологические значки. Этот текст в значительной мере выпадает из общего контекста публикации, посвященной в основном русской традиции. Вместе с тем его наличие в рецензируемой книге представляется оправданным: тематика магических действий и заклинаний в основном та же, что и в текстах русской традиции. Кроме того, видится небезынтесным сопоставление объема переводной магической книги с объемами сходных текстов русской традиции. Вторая, более ранняя рукопись второй половины XVII в. включает, наряду с традиционными для русской книжности заговорными формулами, переводные (или восходящие к переводным оригиналам) статьи о печати Соломона и о драгоценных камнях (С. 342–356). Показательно употребление термина «характер». Статьи сопровождаются изображениями каббалистических «печатей» западного образца. Среди названий камней преобладают имеющие восточное происхождение (алмаз, изумруд, лал, виниса). Третья рукопись, датируемая 1810–1820 г.,

также содержит в основном суеверные тексты древнерусской традиции (С. 687–699). При этом в рукописи встречаются многочисленные инновации, такие слова, как «французская болезнь», «винищейская (венецианская) ярь», «спирт», «меркурий», «купорос», «декохт».

В рецензируемой книге публикуются не только заговоры и «ложные» молитвы, но и магические рецепты, памятники типа «Сна Богородицы», ранний образчик «Святого письма». Я считаю подобный подход вполне оправданным, поскольку рукописные заговоры, заклинания представляли собой неотъемлемую часть культурного наследия, связанного с народной религиозностью, мифопоэтическими и суеверными представлениями. Важно, чтобы читатель хотя бы отчасти ощущал культурный контекст, в который вписываются русские заговоры.

В некоторых случаях А. Л. Топорков публикует заговоры и «ложные» молитвы, содержащиеся в том или ином сборнике, выборочно. Насколько здесь безошибочен его выбор — судить не берусь. Во всяком случае, собранная в рецензируемой книге подборка текстов может рассматриваться как чрезвычайно богатая, выразительная и представительная.

Сборники заговоров представляют собой исключительный историко-филологический и социально-антропологический интерес. Само понятие «сборник заговоров» в современной научной литературе отмечено известной неопределенностью. Дело в том, что существуют рукописные сборники, составленные из разновременных частей, иногда включающие подборки заговоров, разделенные текстами иного характера. В таком случае насколько правомерно объединять все заговоры, содержащиеся в одной рукописи, названием «сборник»?

В разные эпохи и в разных традициях заговорные тексты и их подборки, естественно, могли быть представлены как более, так и менее пространными версиями. В скандинавской традиции, восходящей, очевидно, к языческим временам («Речи Высокого», «Старшая Эдда»⁷), набор заклинаний, известных самому Одину, включает всего 18 заговоров.

Старинные суеверные тетрадки могут далеко не полностью характеризовать компетенцию их владельцев и пользователей. Последние вообще могли быть неграмотными и использовать рукописи только для поднятия своего авторитета. Вместе с тем, судя по объему и характеру ряда рукописей, очевидно, что часть их составителей и заказчиков имела повышенный интерес именно к рукописным магическим текстам. Эти люди могут быть охарактеризованы как продвинутые грамотные профессионалы или пользователи подобных текстов. Среди них могли быть профессионалы в области народных суеверий (например, знахари), а также часть пользователей суеверных текстов, придававшая значение их объему. Связанные с ними сборники заговоров или содержащие подборки заговоров разделы рукописей смешанного содержания, как правило, включают с десятков заговоров на 10–12 страницах (обычно стандартная тетрадь небольшого формата). Некоторые из таких сборников носят энциклопедический характер, другие — узкоспециальный (например, сборники-амулеты, призванные защищать ратников от вражеского оружия; подборки пастушеских заговоров).

Общеизвестно, что заговоры зачастую бытовали в среде духовенства, переписывались представителями этого сословия. При этом в следственных делах о колдовстве в среде этой, несомненно, грамотной части населения, для которой переписка текстов значительного объема не представляла трудности, фигурируют обвиняемые, у которых были найдены всего один-два заговорных текста. В сыском деле 1631 г., в котором рассматриваются обвинения против мангазейского воеводы А. Ф. Палицына, фигурируют всего лишь два заговорных текста (С. 315–317). Между тем это был, безусловно, весьма богатый человек, который мог приобрести или заказать большое количество магических текстов. Из дела явствует, что его интересовали тайные знания, «мудрецкие книги». Вероятно, часть пользователей немногочисленных рукописных магических текстов в своей практике дополняла их устными текстами. Так, в деле Минки Буслаева 1719 г. приводятся 5

⁷ Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна. СПб., 2001. С. 66–70.

заговоров, которые бытовали в устной форме, причем один довольно значительного объема⁸. Вместе с тем владельцы немногочисленных рукописных текстов совершенно очевидно испытывали нехватку подобных материалов. Так, практикующий целитель отставной матрос Гаврила Сарычев, проходивший по делу 1758 г., владел единственным лечебным заговорным текстом. Когда ему потребовалось обеспечить клиенту успех в карточной игре, он использовал тот же самый текст, внося в него минимальные изменения⁹. Двое подъячих, проходивших по делу 1735 г., использовали в качестве любовного заговора переименованный заговор, первоначально предназначенный для успешной охоты и применения охотничьего оружия¹⁰. В самом ОС находим «Заговор от потниц у лошади» (С. 113), который на самом деле представляет собой перепрофилированный текст древнего и весьма распространенного заговора от трясавиц (лихорадок). Это обстоятельство подтверждают пояснения, приводимые после текста заговора: «Да те ж слова от трясавиц говори». Любопытно, что в заговоре, в котором упоминаются многочисленные болезнетворные демоны, и слово «потница» (название болезни) фигурирует во множественном числе. В ВУ 20–30-х годов XVII в. распространенный заговор от удара деревянным предметом или от падающих деревьев превращен в заговор «от правезу» (телесного наказания по приговору суда)¹¹. В том же сборнике находим заговор, в тексте которого ничего не говорится о свадьбе и свадебном поезде, тем не менее, озаглавленный «Молитва, тем же молитвам замок свадебным» (т. е. главный свадебный заговор, завершающий целый цикл подобных текстов¹²). Очевидно, и в данном случае «перепрофилирование» заговорного текста осуществлялось простейшим способом — посредством снабжения его заголовком, в котором указано его новое значение. Там же находим типичные воинские заговоры, которым, однако, придается более универсальное значение («идучи на бой битися, или где ни буди — на торговлю, на свадьбу или на пир»)¹³. Поскольку в основной части текста заговоров говорится только о защите от поражения боевым оружием, очевидно, что универсальный характер — результат вторичного переосмысления, обусловленного недостаточным тематическим разнообразием магических текстов, имевшихся под рукой составителя сборника. В коммерческих изданиях XXI в. находим случаи перепрофилирования старинных (или стилизованных под них) заговорных формул за счет изменения заголовка («от угона автомобиля», «от остеохондроза», «от простатита»)¹⁴.

Любопытно, что публикуемый А. Л. Топорковым сборник переводных магических текстов 1762 г. «Таинственная книжка» (С. 446–460), отражающий незаурядный интерес к оккультным знаниям, также соответствует представлениям о стандартном объеме рукописей магического содержания. Интересно, что и при таком сравнительно небольшом объеме рукопись включает повторяющиеся «избыточные» мотивы (средства от зубной боли; от лихорадки; многочисленные магические средства для употребления на войне).

Необходимо учитывать, что существовала возможность бытования на Руси целых библиотек суеверных текстов. В деле ландрихтера (судьи) Ивана Мякина 1724 г. упоминается около 30 заговоров различного содержания, а также лечебник на двух тетрадях¹⁵. Однако маловероятно, что совокупность заговорных текстов в этой библиотеке по объему превышала ОС.

⁸ ОС. С. 106, 107.

⁹ Там же. С. 163, 164.

¹⁰ Там же. С. 135–137.

¹¹ Там же. С. 188–189.

¹² Там же. С. 222–223.

¹³ Там же. С. 209.

¹⁴ Чернецов А. В. Откровения Натальи Ивановны (рец. на кн. Н. И. Степановой «Большая книга заговоров». М., 2002) // Живая старина. 2004. № 2. С. 56.

¹⁵ Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 327, 328; Райан В. Ф. Баян в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 609.

Говоря о возможности бытования своеобразных «библиотечек» суеверных текстов, необходимо остановиться на одном специфическом вопросе. Обращаясь к ВУ, содержащему преимущественно воинские заговоры, а также к другим сборникам подобного содержания, отметим отсутствие в них заговоров от кровотечения, ран и телесных повреждений. При этом нельзя не заметить, что такие заговоры (особенно заговоры крови) чрезвычайно распространены в русской традиции. Вероятно, помещение в один сборник заговоров от вражеского оружия и заговоров от ран считалось недопустимым из-за боязни «сглаза». Тем не менее трудно предполагать, что профессиональный чародей, практиковавший в военной среде, имевший сборник заговоров от вражеского оружия, рассчитанный на широкий круг однополчан, не имел в своем распоряжении также заговорных текстов от травм и ран. По-видимому, подобные тетрадки обычно (или нередко) бытовали раздельно в качестве некоего комплекта вместе с собственно воинскими заговорами.

Имеются данные и о других библиотеках суеверных рукописей, содержавших гораздо меньшее число текстов. В частности, в 1628 г. у дьячка Семейки Григорьева была найдена книга Рафли (вполне возможно, очень объемный текст) и «столбец» с заговором («память, писанная к борьбе») объемом всего шесть с половиной строк¹⁶.

Разные типы суеверных текстов и их подборки могли быть представлены в рукописных сборниках разными объемами. Так, лечебники и травники могли объединяться в рукописях в более объемистые блоки, чем подборки заговоров. По-видимому, это связано с тем, что с церковной (и полицейской) точки зрения они не рассматривались как криминальные.

Гадательные тексты обычно не превышают по объему «средний» сборник заговоров продвинутого пользователя, однако они могут объединяться в блоки более значительного размера; такая гадательная книга, как Рафли, значительно превышает по объему не только рядовые сборники заговоров, но и такие крупные, как ОС.

Предположительно установив более или менее стандартный объем «среднего» сборника заговоров продвинутого пользователя, обратимся к вопросу о тех рукописях, объем которых превышает эту норму в три-четыре и более раз. Представляется, что такой объем уже не соответствует обычным запросам рядового профессионала. Это доказывается не только объемом упомянутых рукописей, но и избыточностью содержащихся в них материалов.

Так, в ОС находим 18 заговоров крови, часть из которых близко повторяет друг друга (плюс еще 5 от ран и ударов). Очевидно, что в реальной практике единичного целителя ему были нужны максимум 3–5 подобных заговоров. В той же рукописи находим 14 заговоров от порчи и болезней (и еще два от всякой болезни). Популярных в русской традиции заговоров от зубной боли – 8. Любовных заговоров на присуху женщины в рукописи 5, заговоров, адресованных судьям и властям, а также оберегов скота — по 4. Очевидно, что данный крупный сборник заговоров представляет собой некий компендиум, составленный для богатого заказчика из трех-четырех сборников, принадлежавших профессионалам, с использованием, возможно, более кратких рукописных материалов еще нескольких владельцев.

Напомню весьма резонные рассуждения А. Ф. Корша о механизмах создания сборника Кирши Данилова: «Если такой человек записывал песни, то делал это по причине более действительной, нежели платоническое любопытство, то есть ему нужно было, либо закрепить эти песни в памяти для воспроизведения (в данном случае этот мотив едва ли подходит. — А. Ч.)... либо он взялся за перо по поручению такого боярина (в данном случае точнее — зажиточного заказчика. — А. Ч.), который только и был любителем»¹⁷.

Выделение текстов «малых» сборников в составе ОС представляет собой сложную, но не безнадежную задачу. Во-первых, корпус карельско-вепсских заговоров в его составе по своему

¹⁶ Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 261, 262, 284.

¹⁷ Сборник Кирши Данилова / Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901 (далее — Сб. КД). С. XXX, XXXI. Прим. 2.

объему вполне соответствует вышеупомянутой модели «среднего» сборника продвинутого профессионала/пользователя. Кроме того, ОС включает части, написанные разными почерками. Первая, меньшая по объему, несколько превышает указанный выше стандарт, но в своей основе, возможно, также представляет собой отдельный сборник заговоров.

Принимая во внимание вышесказанное, я вынужден отказаться от некоторых используемых мною ранее дефиниций. Так, ВУ, бесспорно, должен рассматриваться как два самостоятельных сборника. Первый (Л. 2–17), очевидно более ранний, по-видимому, использовался в качестве талисмана и сопровождал владельца в походах или поездках (о чем свидетельствует его потертость и запыленность). По объему он вполне соответствует модели «среднего» сборника. Вторая часть конволюта, несомненно, задуманная как продолжение, распространение первой, содержит множество «избыточных» мотивов (чего нет в первой части) и не несет следов активного использования (если не считать нескольких позднейших приписок).

Вторая часть рукописи ВУ отмечена большим количеством повторяющихся мотивов, что, по-видимому, связано со стремлением нарастить объем рукописи с целью сделать ее более привлекательной для заказчика. Так, мотив «железо в землю, цевье (стрелы) в древо» повторяется не менее 10 раз; мотив «царь/муж железный» — 9 раз; меч-самосек упоминается 6 раз. Нередко заговоры-близнецы помещены друг за другом подряд («Молитва царя Александра Македонского»¹⁸, свадебные заговоры с упоминанием царя Трояна¹⁹).

И в составе этой, второй части рукописи, может быть выделена часть, которая могла быть взята из отдельного сборника, — подборка свадебных заговоров; заговор, обеспечивающий безопасность в доме, заговор от ревности. Значительная часть сборника включает воинские заговоры, как правило, никак не отделенные друг от друга заглавиями²⁰, что, вероятно, также отражает специфику одного из небольших сборников, использованных для создания рассматриваемого компендиума. Приемы текстологического анализа, с помощью которых можно будет выявлять подобные фракции, на сегодняшний день еще не выработаны.

Сибирский сборник заговоров первой половины XVIII в., опубликованный А. А. Туриловым²¹, на первый взгляд, может показаться более объемным, чем указанный выше «средний» сборник. Однако этот сборник не является сборником в точном смысле слова. Два первых заговора из этой рукописи связаны с ее ранней частью, датируемой 20-ми годами XVIII в., лишь впоследствии дополненной позднейшими текстами. Эти заговоры отделены от других 5 листами, занятыми текстами иного содержания. Л. 29–40 содержат заговоры, в основном связанные с темой свадьбы (один — с мотивом любви между супругами). На л. 47 об. — 84 об. (опять-таки после разрыва) находим заговоры в основном от вражеского оружия (скорее всего, воспроизведение отдельного сборника).

По своему объему ОС и ВУ могут быть сопоставлены с более поздней «Суеверной книжицей», опубликованной Е. Б. Смилянской²². В ней значительная подборка заговоров перемежается с прогностическими статьями и руководствами, в каких случаях помогают те или иные псалмы. Подборка заговорных текстов весьма объемна; вероятно использование отдельного сборника воинских заговоров²³. Вторая часть «Суеверной книжицы» включает три вполне самостоятельных по происхождению физиогномических текста. Близкие по объему ОС и ВУ, а также «Суеверная книжица» представляют собой наиболее крупные компиляции магического характера XVII–XVIII в. Новейшие коммерческие издания, приписываемые потомственным целительницам, в которых фигурируют, например, 777 заговорных текстов, во много раз

¹⁸ ОЧ. С. 208–210.

¹⁹ Там же. С. 220–223.

²⁰ Там же. С. 196–208.

²¹ Там же. С. 250–266.

²² Там же. С. 322–364.

²³ Там же. С. 329–336.

превосходят реально бытовавшие рукописные сборники и библиотечки представителей народной суеверной традиции. Очевидно, подобные публикации широко заимствуют материалы из печатных изданий (в том числе научных), включают фальсификаты новейшей фабрикаций.

Вопрос о том, какая часть «суеверных книжиц» связана с профессиональными чародеями, а какая — с любителями, не может решаться умозрительно. Необходимо опираться на конкретные свидетельства источников.

Рассмотрим материалы рукописей, могущие пролить свет на этот вопрос. Сборники заговоров, а также отдельные листочки с подобными текстами могут содержать сведения об их переписчиках, владельцах, а также об их объектах. Особенно важны случаи, когда мы находим вместо обычного «имярек» имя конкретного лица — владельца, пользователя или заказчика рукописи. Далее привожу некоторые выкладки, основанные на рецензируемой книге, а также на материалах, опубликованных в ОЧ (Е. Б. Смилянской; А. Л. Топорковым и Л. И. Сазоновой²⁴).

В сборнике заговоров, принадлежавшем ротмистру С. В. Айгустову (судебное дело 1688/1689 г.), фигурирует имя некоего Якова, а также самого обвиняемого, названного по имени-отчеству (Семен Васильевич — с. 331–341).

В сборнике воинских заговоров второй половины XVII в. имеется приписка переписчика «Приписал Василий Володцкой». Кроме того, в рукописи есть запись «Се поминанья Ивана Козьмина». В заключительной части сборника упомянут «раб Божий Иван» (вероятно, то же лицо); в основной части текста используется форма «имярек»²⁵.

В рукописях XVIII — первой половины XIX в. фигурирует 15 имен, от лица которых должны произноситься заклинания. Отметим, что в одной рукописи вначале постоянно использовалась форма «имярек», которая в дальнейшем была зачеркнута и последовательно заменена именем собственным «Степан» (С. 716–719). В рукописи 10-х годов XIX в. находим многократно повторяющееся имя «Алексей», но лишь во второй части рукописи (С. 674–683); в первой постоянно используется «имярек».

В сборнике сибирского происхождения, датируемом 30-ми годами XVIII в., имеются записи М. Г. Момотова, который, по-видимому, был не только переписчиком большей части рукописи, но и ее очередным владельцем. В тексте заговоров последовательно используется форма «имярек»²⁶.

В ряде случаев в текст заговоров включены имена объектов магического воздействия. В судебном деле 1719 г. это сам государь Петр I (которому адресованы проклятия²⁷); в деле 1737 г. некие Прохор, Яков, Ксенофонт и Яким (первые три — противники владельца рукописи на судебном процессе²⁸). В деле 1745 г. упоминается помещик, камер-юнкер Никита Андреевич Возжинский²⁹.

В ряде магических текстов упоминаются как субъекты, так и объекты чародейства. В деле 1718 г. упоминается и Федор, от лица которого записаны заговорные тексты, и объект его вожделений — Анна³⁰. В текстах заговоров, фигурирующих в этом деле, встречается и форма «имярек». В деле 1719 г. ответчик Минка Буслаев стремился испортить своих господ — помещика, подполковника Алексея Ивановича Тараканова, и его жену Авдотью³¹. В деле 1727 г. некий Василий пытается склонить в свою пользу Ивана, Ивана, Василья и Тимофея³².

²⁴ Там же. С. 99–172, 225–232.

²⁵ Там же. С. 225–232.

²⁶ Там же. С. 251.

²⁷ Там же. С. 105.

²⁸ Там же. С. 140.

²⁹ Там же. С. 145.

³⁰ Там же. С. 102–103.

³¹ Там же. С. 105–107.

³² Там же. С. 113.

В деле 1733 г. Степан, пытаясь удержать свою любовницу, замужнюю неграмотную Авдотью, подбрасывает в ее короб рукопись заговора, в котором фигурируют и его, и ее имена³³. В деле 1735 г. сообщается, что подьячие Яким Протопопов и Сергей Кропухин пытались привлечь к себе любовь соответственно Катерины и Аксины³⁴. В 1774 г. колонновожатый И. Соколов пытался обеспечить себе благосклонность Петра (князя Трубецкого), Захара (графа Чернышова), Николая и Якова³⁵.

Все эти примеры характеризуют различные варианты частного использования заговорных текстов (например, в роли амулетов). Важно, что в ряде случаев имя собственное заменяет первоначальное «имярек», а также то, что оба варианта могут непоследовательно использоваться в текстах, образующих единый блок.

Употребление формы «имярек», к сожалению, еще труднее поддается единообразному истолкованию. Эта форма, во-первых, воспроизводит богослужебные тексты. Во-вторых, ее использование может указывать на возможность передачи (продажи) заговорных текстов. В-третьих, оно могло отражать стремление по возможности исключить использование рукописи в качестве улики.

Чтобы отнести тот или иной текст (рукопись) к профессиональным пользователям, требуются очень серьезные аргументы. Во-первых, это свидетельства того, что данный текст мог использоваться не только единичным пользователем, но и каким-то коллективом. Это, в частности, свадебные заговоры, призванные оберегать не только дружку («сторожа»), но также жениха и невесту и весь свадебный поезд. Это и воинские заговоры, в случае если в них содержатся указания на коллективное использование (см. комм. к с. 522).

Прямым свидетельством профессиональной деятельности является информация о получении за нее вознаграждения. К сожалению, этот аспект по отношению к рукописным материалам трудно-уловим. Можно полагаться (с известной осторожностью) только на данные судебных дел о том, что подсудимый получал гонорары или занимался, например, целительской практикой.

Представляется, что крупные компендиумы, такие как ОС или ВУ, связаны не с продвинутыми профессионалами (с которыми можно достаточно уверенно связывать менее крупные сборники и «библиотечки»), а с зажиточными заказчиками, привлекавшими к составлению подобных сборников несколько профессиональных чародеев. Об этом свидетельствует избыточность их содержания, в частности наличие заговоров-близнецов, иногда помещаемых в рукописи подряд; элементы шарлатанства (включение иноязычного текста, связанного с рыболовством, типа русского «ловись, рыбка, большая и маленькая», в заклинание, имеющее отношение к скотоводству, — с. 102, 307, 308).

В рецензируемой книге, в частности в ее программных разделах, встречаются положения, которые могут быть оспорены. Так, на с. 9 читаем: «Большинство людей, которые переписывали, использовали и распространяли рукописные сборники заговоров, не были профессиональными магическими специалистами и обращались к заговорам для решения... реальных проблем». На мой взгляд, как видно из изложенного выше, это положение требует некоторых корректировок.

На с. 18 А. Л. Топорков упоминает книгу «Волховник», в которую, по его мнению, могли включаться заговоры. Поскольку эта книга в полном объеме неизвестна, такое предположение не является невероятным. В работе В. Ф. Райана³⁶, однако, приводятся достаточно серьезные основания для реконструкции состава этой книги; по мнению британского ученого, ее основу составляет текст западноевропейского происхождения, и она не содержала заговорных текстов.

На с. 47 А. Л. Топорков цитирует В. Й. Мансикку, который пишет о том, что карельские заговоры в составе ОС дают «представление о том, как русские заговорные мотивы распространились

³³ Там же. С. 132–133.

³⁴ Там же. С. 136–137.

³⁵ Там же. С. 166–167.

³⁶ Райан В. Ф. Бани в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. С. 210–218.

на финские земли. То, что заговоры переведены с русского, доказывается их содержанием и формой». Данное суждение Мансикки следует рассматривать как сугубо предварительное. Во-первых, эти заговоры имеют ряд черт, которые в русских заговорах отсутствуют, во-вторых, они представляют собой фиксацию традиции, значительно более ранней, чем первые записи заговоров финских народов, сделанные фольклористами. По-видимому, В. И. Мансикка, исследованиям которого в целом свойственен последовательный историзм, недооценил хронологическую позицию карельско-вепсских заговоров ОС.

Версия о сотрудничестве двух колдунов при создании ОС — карельско-вепсского и русского (С. 54) — представляется мне искусственной. Скорее всего, составители сборника располагали отдельной тетрадкой иноязычных заговоров, которую сумел вставить в общий контекст рукописи и снабдить русским комментарием писец, знакомый с туземным языком. Он мог быть как двуязычным представителем финских народов, так и русским, жившим в соседстве с ними. В любом случае для заказчика сборника родным языком был русский. Это очевидно из того, что все инструкции, какие магические действия должны сопровождать иноязычный текст, даны по-русски. Кроме того, в сборнике имеется прямое свидетельство: «яз... русской человек... принес... русской поминок (т. е. «жертвенное приношение»; обиходное значение слова — «взятка»)» (С. 140).

На с. 60 А. Л. Топорков пишет, что Е. Н. Елеонская предполагала новгородско-псковское происхождение ОС. Скорее всего, в ее терминологии «новгородско-псковский» (по-видимому, речь идет о диалекте) соответствует современному «северорусский». Во всяком случае, карельско-вепсские заговоры трудно связать с Псковщиной.

На с. 67 А. Л. Топорков пишет, что, «приступая к работе» над созданием ОС, «писец еще не определился со своими целями». Надо сказать, что такой феномен в рукописных памятниках крайне редок, если не считать рукописей, рассчитанных на постоянное дополнение (летописей, дневников, записных книжек). В данном случае перед нами, очевидно, рукопись иного плана. Наличие в начале рукописи текста из травника (в который, впрочем, вставлен заговор), затем краткого сравнительно невинного заговора и далее магического средства узнать прошедшее и будущее, по-видимому, связано с желанием скрыть от поверхностного читателя (потенциального доносчика) запретный характер рукописи. То же самое можно видеть в рукописи отреченной, «ересной» книги Рафли, где вначале помещена довольно бестолковая подборка невинных календарно-астрономических текстов, тогда как основной, гадательный текст появляется не сразу, «во втором эшелоне». После текста о том, как узнать будущее, в ОС следует заговор от кровотечения, не носящий откровенно криминального характера, а далее идут подряд три демонических заговора для наведения порчи, которые, собственно, и характеризуют подлинную природу рассматриваемого сборника. Обращаясь ко второй части рукописи, писанной другим почерком, отметим, что она начинается с непонятных славянину иноязычных текстов. По-видимому, первоначально и в этом случае предполагалось затемнить магический характер рукописи. Иноязычные заклинания не могли быть использованы без вводного русского пояснения, что до некоторой степени обесценило указанные ухищрения.

Стремление закамуфлировать основное содержание рукописи или, во всяком случае, придать ему менее криминальный, греховный характер проявилось также в использовании обоими писцами тайнописи. С ее помощью зашифровано название заговора, направленного к греховной, преступной цели («слова на присуху к женкам» — с. 132); термины, обозначающие демонических персонажей («лешие» и «водяные» — с. 130, 131; царь «Жажда» — с. 132). В заговоре, обеспечивающем благожелательное отношение сильных мира сего, зашифрованы имя и титул правящего государя, упоминание которого в данном контексте, очевидно, рассматривалось как преступное, во всяком случае, свидетельствующее о неблагонадежности (С. 106). Аналогичный характер использования

тайнописи в рукописях, отражающих народные суеверия, известен и по другим рукописям³⁷. В ряде случаев в ОС тайнопись используется с неясной мотивировкой, непоследовательно.

А. Л. Топорков пишет, что ОС «явно направлен на решение прагматических задач». С этим можно согласиться лишь отчасти. Сам Топорков указывает, что сборник не является исчерпывающим (С. 69), имеет избирательный характер. Достаточно сказать, что в нем практически нет сюжетов, связанных с земледелием и торговлей. Наличие избыточных текстов также свидетельствует о специфике сборника.

Рассмотрим некоторые сюжеты в публикуемых текстах и возможные дополнительные комментарии к ним. Вначале обратимся к тексту ОС. Сразу отмечу, что А. Л. Топорков, бесспорно, лучше меня знаком со всем корпусом русских заговорных текстов, а также со специальной литературой по данной теме. Обилие вопросов и альтернативных толкований, предлагаемых в этой рецензии, указывает только на крайнюю сложность предмета и пока еще недостаточную разработку проблематики.

К тексту «Аще хочешь ведати житие человеческое» (С. 91, 92), в котором предписывается смотреть в воду, налитую в сосуд, напрашивается параллель — известная поговорка «как в воду глядел».

На с. 92 в заговоре на остановку крови упоминается двухголовая девица, зашивающая рану (обычный мотив заговоров крови) иглой без ушей. На с. 160 А. Л. Топорков приводит данные о магическом использовании иглол с отломанным ушком, а также сведения об упоминании игл без ушка в карельских заговорах. На с. 120 сообщается о чудесных свойствах воды, пропущенной через ушко иглы, пронятой сквозь саван «неизвестного мертвеца». На с. 96 мотивы иглы и ее ушка опять встречаются вместе: «Болезнь стала золота с ыгольные уши». Связь мотивов болезни и золота отражена в названии «золотуха». Здесь же отметим существование поверья о том, что умершие от оспы будут ходить на том свете в золотых ризах. Ср. др.-русс. клятву-проклятие «будем золоти (колоти) яко золото»³⁸.

На с. 93 упоминается «горло» топора (очевидно, верхняя часть рукоятки, топорщица). Здесь же весьма любопытен пример обрядового формализма: вместо «белой лебеди» (упоминаемой в тексте заговора) в качестве жертвенного приношения используется куриное яйцо. Речь идет об обмане представителя иного мира, который не видит реалий этого мира. Ср. также с. 101, 102, где черный косач (глухарь, тетерев) назван черным бараном, а также пословицу про самоубийцу «черту баран»³⁹.

На с. 93 находим также обращение к предкам умершего без покаяния (субъектам вредоносной магии): «Стань ты ко мне на пособь со отцем и с матерью, с родом и племянем, и со всеми родители». Здесь значимо употребление слова «род» в ряду персонажей, облеченных сверхъестественной силой (важный материал к дискуссии по поводу запутанного вопроса о слове «род» и связывавшихся с ним представлениях в магических текстах). См. ниже в свадебном заговоре «Станьте вы, деды и бабы и весь род мой» (С. 117). Еще одно свидетельство почитания предков находим в ОС (С. 102, 103). Здесь культ предков соотношен с почитаемым церковью персонажем, а также с культом стихий: «Святаго Илью (Пророка) подыну с небесной силой на помощь себе, земную силу подыму со земной силой на помощь себе, водяную силу подыму... родителей подыму с четвертой стороны». Если допустить, что данный текст связан с представлениями о четырех стихиях, то «родители», очевидно, соответствуют стихии огня. Упоминание предков находим также в ВУ: «деды и прадеды и бабы»⁴⁰. В вредоносном заговоре в записи последней четверти

³⁷ ОЧ. С. 71.

³⁸ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 73 (под 971 г.).

³⁹ Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 47, 298.

⁴⁰ ОЧ. С. 224.

XX в. упоминаются «деды семидесяти леды (то есть лет)», сидящие на камне в огненной реке, которые затем фигурируют в качестве «дедушек сотон»⁴¹.

На той же странице А. Л. Топорков публикует текст, озаглавленный им «Обряд от недержания» (по В. И. Срезневскому «Заговор на остановление кала и мочи»). Представляется, что заголовок Срезневского более удачен. Дело в том, что помещенный выше заговор с обрядом («Обряды против недруга») и следующий («Наведение порчи») относятся к вредоносным, демоническим. Данный заговор явно представляет собой часть единого блока текстов. Все три «портежных» заговора корректно сопровождаются предписаниями, как эту порчу снять (к заговору 7 см. № 8).

На с. 96, текст № 8, упоминаются смолистые пни (т. е. такие, от которых не будет побегов). Мотив о невозможности таких побегов весьма распространен в магических текстах⁴². Щепки и стружки от таких пней обладают магической силой (см. стружки, огонь, разведенный из них, в «Младшей Эдде»⁴³). Связанный с любовной магией мотив поджигания стружек, полученных при изготовлении стрел, рассматривался в одной из моих публикаций⁴⁴. Зажженные стрелы («а стружек прочь не отрезывай»), направленные «на двор, чтоб на кровлю летела», — довольно странный, рискованный способ снятия порчи.

На с. 97 св. Климент Папа римский назван морским чудотворцем. На с. 175 в комментарии А. А. Турилова указано, что подобный эпитет связан, прежде всего, с «чудом об отрочати». Скорее всего, однако, эпитет «морской» объясняется мученической смертью Климента, который был утоплен в море.

С. 98: в заговоре от крови и ран (в рукописи, впрочем, названном «Дерево уговор», т. е. заклинание от поражения деревом) фигурирует орел с золотой иглой и шелковой шитью, которыми он не зашивает рану, а «вышивает и заговаривает всякие уразы». Использование глагола «вышивать» в данном контексте, очевидно, отражает деградацию мотива зашивания раны, утрату первоначального смысла. Тот же мотив вышивания кружев вместо зашивания раны представлен на с. 725.

На с. 100 находим указание: «Писати сию молитву на бумаге вели попу». Ср. 117: «На просвири велите печи...». Очевидно, предполагается использование сборника уважаемым, влиятельным (или богатым) прихожанином.

С. 103: «Понесите по солнцу и по месяцу, (по) звездам и по лунам». См. комментарий на с. 194, 145 и словарь на с. 282 — «кометы» (sic!). В данном случае используется редкое значение слова «луна» («луны») — «планета»: «Дионисий (Ареопagit) пишет о солнечном затмении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны Бог положил не в пределах, якож и прочии звезды, но обтекают по всему небу...» (Житие протопопа Аввакума)⁴⁵; «Луны же и звезды в сей день сходятся» («схождение», «парад» планет)⁴⁶.

С. 104: «На ветре не проходитце» — возможно, следует читать «прохладиться».

С. 105: «Как сие камение не выходит на крут красен берег». Модификация распространенного магического мотива «плавающий камень»⁴⁷. В данной публикации см. также с. 345, 658 («как камень в воде тонет и наверх не всплывает»), с. 731.

На с. 107 упоминается любопытный магический обряд кусания креста, венчающего купол храма или часовни. Распространенный этнографический феномен. Паломники нередко грызли различные святыни (в том числе кресты), в частности, от зубной боли.

⁴¹ Там же. С. 559.

⁴² Там же. С. 39, 204, 336.

⁴³ Младшая Эдда / Пер. О. А. Смирницкой, отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 100.

⁴⁴ Чернецов А. В. Возвращаясь к напечатанному // Живая старина. 2003. № 3. С. 58.

⁴⁵ Изборник. Сборник произведений литературы древней Руси. М., 1969. С. 627.

⁴⁶ Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли. С. 331.

⁴⁷ ОЧ. С. 37–38.

На с. 109 упоминается «знающий (умеющий) делать из лугового сена связку», т. е. колдун (карельско-вепсский текст). Очевидно, имеется в виду «залом», характерный для восточноевропейской аграрной вредоносной магии⁴⁸.

С. 112: название «Приговор, чтобы мыши не ели солому» не соответствует содержанию текста. Речь идет о том, чтобы мышам доставался камень вместо хлеба (зерна) и дерево вместо «вологи» (жидкой пищи). См. вполне аналогичный заговор на с. 325.

С. 114: «Бобровые иста». Исто — в Русской Правде — имущество, основной капитал, сумма долга. Возможный смысл словосочетания «владения, вотчина, угодья бобров».

С. 115: огненная река, упоминаемая в заговорах, действительно, несомненно, связана с христианской мифологией. Едва ли следует напрямую связывать этот мотив народных заговоров с текстом Ветхого Завета (см. комментарий на с. 227). Этот образ встречается в церковном обиходе, в памятнике гимнографии (кондак гласа 1-го на утрени в неделю мясопустную «Егда приидеши, Боже, на землю со славою, и трепещут всяческая: река же огненная пред судищем влечет...»).

На с. 117 встречена неправильная разбивка на слова: «та же, выимати просвиру»; нужно «таже» (затем, после того) — распространенное слово, часто встречающееся в богослужебных книгах (Служебнике и Требнике), а также в Житии протопопа Аввакума. По-видимому, и на с. 473 вместо «то же глаголи» следует читать «таже глаголи».

С. 119: «И на ягодицах». Следовало бы пояснить, что речь идет не о ягодицах в современном понимании слова, а о щеках. Ср. Сб. КД⁴⁹: «Ее белое лицо — как бы белый свет / И ягодицы — как бы маков цвет / А и черные брови как соболи...»; «Небылица про щуку из Белого Озера»: «А отсеки у ней (щуки) да праву ягодицу / Отдавали царю ей на почесен пир / Пировали-столовали тут целы суточки / Кабы все-то тут ягодицей наедались»⁵⁰.

С. 120: «И в землю туж и поити...» — в комментарии на с. 240 справедливо указывается, что эти слова восходят к ветхозаветному тексту. Все же непосредственным источником этого мотива в заговоре, скорее всего, является общеизвестный фрагмент чина отпевания: «Земнии убо от земли создахомся, и в землю туюжде пойдем, яко же повелел еси, создавый мя и рекии ми, яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдем...».

С. 122: представленный в заговоре от порчи, ран и ударов мотив «Лежат кости мертвые лошадиныя и звериныя и человеческия, не имеют в себе ни щипоты никакие болезни...» имеет ближайшую параллель в заговоре в составе «Суеверной книжицы», опубликованной Е. Б. Смилярской: «как лежат в земле мертвые кости человеческие, и звериные, и птичие, и лошадиныя, не чувят в себе никакия болезни, ни щипоты»⁵¹.

На с. 126 в числе частей тела человека, от лица которого произносится заговор, фигурируют «свои малые пазнохтки». Церковнославянское «пазнокти» (фаланги пальцев — Лев. 11: 2) обычно относится не к человеку, а к четвероногим. Ср. охотничье «пазанка» (поощрительная подачка собаке, обрубок лапки добытого зверя).

На той же странице: «На Тебе ся надеем, и Тобою ся хвалим, да не погибнем» — по-видимому, слегка переиначенное «на Тебе надеемся и Тобою хвалимся, да не постыдимся» («Не имамы иныя помощи...» — Канон молебный Пресвятой Богородице, 2-й кондак гласа 6-го; ср. комментарий на с. 251).

С. 127: «Медь к телу... булавка в стегно... колоти». Речь идет об уколах (от судороги?).

С. 127: «Вран двоеглавой, одноглазой, однокрылой, одноногой». Фантастический образ, важный для понимания представлений, которые могли связываться на Руси с образом двуглавого орла.

⁴⁸ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 70–73, 397.

⁴⁹ Сб. КД. С. 36.

⁵⁰ Былины в двух томах / Подг. текста В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов. М., 1958. Т. II. С. 36.

⁵¹ ОЧ. С. 337.

С. 131: «Фа мутав» неточно расшифровано, нужно «за (а не «да») рукав».

С. 132: писк на с. 264 переведено как «тонкий, пронзительный звук; писк» (!). Архаичное «воп» = «вопл» оставлено без перевода.

На с. 135, 136 в тексте заговора фигурирует мотив «в камне утка, в утке яйцо», который справедливо сравнивается со сказочным мотивом «смерть Кашея» (С. 270). Мотив встречается и в других заговорах: «...камень, а в том камне заец, а в заице утка, а в той утке (еицо)»; «...ящик, в этом ящике есть утка, в этой утке есть яйцо»⁵².

На с. 136 любопытно использование тюрко-монгольского термина «улусы» в контексте своеобразной мифологической анатомии. На с. 285 он переводится как «селение, группа деревень», хотя в древнерусских текстах это слово употребляется скорее в значении «страна», «(вассальное) владение». В данном случае существенно значение слова «улус» в конкретном контексте. Вероятно, ему соответствует славянское «сустав» (в исконном смысле «составная часть тела»). Еще один ориентализм — «орда» («государственное или родоплеменное объединение, имеющее военное значение»), нередко встречающийся в текстах воинских заговоров⁵³.

На с. 137 читаем: «и звезду их (супостатов) в небе стреляют...» (аналогичный текст на с. 144). Отметим существование развернутой формы мотива в северорусском сборнике заговоров начала XIX в.: «...подстреляю на ясном небе первую звезду. Против того подстреляю на сырой земле порченика, урочника, злого завидника...»⁵⁴. Упоминание звезды, связанной с конкретным лицом, свидетельствует о том, что составители сборника (или оригинала данных текстов) были знакомы с элементами астрологической доктрины. На то же указывает упоминание «лун» (С. 103), а также внимание, которое уделено во многих заговорах фазам Луны.

На с. 138 и 139 (русский перевод карельско-вепсских заговоров) упоминаются «насмешки мужей и женщин». Для понимания данного словосочетания в составе заговорного текста следует иметь в виду заглавия любовных заговоров в сборнике заговоров 1734 г.: «Женская издевка», «Женская издевка на похоть»⁵⁵.

На с. 138 и 139 в карельско-вепсском заговоре упомянут св. Мийккул. Имя, по-видимому, соответствует славянскому Микула/Никола, т. е. св. Николаю Мирликийскому. На это нужно было указать в комментарии.

На с. 140 выражение «зверие под(ъ)емущие» представляет собой очевидную ошибку, так как оно находится в ряду, в котором перечисляются усопшие (люди). Единственная возможная конъектура «зверьями поеденные». Ср. комментарий на с. 274–275.

Имеющееся на с. 141 описание металлургического процесса «надобно, чтобы сливалось и слипалось медь и железо во едино место» не соответствует технологии изготовления булатной стали, как утверждает вслед за В. А. Липатовым А. Л. Топорков. Железо слипается, а не плавится в ходе примитивного сыродутного процесса добычи железа из руды. Булат — литая (тигельная) сталь⁵⁶. Упоминание в данном контексте меди, очевидно, связано с использованием этого металла в качестве припоя при пайке железных и стальных изделий (в частности, при изготовлении замков, упоминаемых в тексте заговора).

На с. 143 (заговор от удара деревом) после перечисления различных деревьев следуют слова «древо <пробел>, древо <пробел>». Это важное свидетельство того, что данный заговор не рассматривался как вполне законченный текст и что он, напротив, мог и должен был дополняться.

⁵² Там же. С. 52, 163, 164, 552.

⁵³ ОЧ. С. 183. И множество других воинских заговоров.

⁵⁴ Там же. С. 293.

⁵⁵ Покровский Н. Н. Тетрадь заговоров 1734 г. // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 261.

⁵⁶ Арциховский А. В. Введение в археологию. М., 1947. С. 76–77, 150–151.

На той же странице упоминается «санной нащеп». Любопытно, что детали саней придается магическое значение и в «Старшей Эдде» («Речи Сигдривы») — «(волшебные) руны украсили... санный подрез»⁵⁷.

Некоторые объяснения устаревших слов ОС, вынесенные в отдельный словарь, представляются спорными или не совсем удачными. Едва ли можно считать безупречным перевод слов «без отрывки» как «бесследно, не оставив никаких воспоминаний о себе» (С. 280). «Знадба» (С. 281), возможно, не «значок, метка», а «снадобье». «Кужель» (иначе «кудель» — с. 282) — «пучок волокна», но не ниток (это лишь основа для их изготовления). На той же странице «нащеп дровяной» — «древесина, расщепленная для сжигания в печи». Основное, исконное значение слова «поганый» (С. 283) — «языческий, нехристианский, неправославный». «Потница» (С. 283) — «сезонное раздражение кожи». «Пята» (С. 284) — «деталь двери, шип, входящий в подпятник (гнездо)». «Пята» как «подпятник» — редкое, вторичное значение слова. «Тать» — основное значение не «враг» (С. 285), а «вор, похититель», тогда как древнерусское «вор» имеет более широкое значение — «преступник».

Важным достоинством новой публикации ОС является то, что мы располагаем в рамках одного издания полным текстом как русских, так и западнофинских заклинаний, что весьма существенно для составления полного представления об этом памятнике письменности. Возможность сравнительного изучения западнофинских и русских заговоров видится реализованной совершенно недостаточно. Факт существования двуязычной рукописи чрезвычайно важен для характеристики восточнославянских и западнофинских этнокультурных и этноязыковых контактов в сфере народных верований. Но кроме фиксации этого факта данный феномен настоятельно требует ответов на ряд вопросов, которые в публикации не рассмотрены или рассмотрены недостаточно подробно.

Первый вопрос. При подобном взаимопроникновении магических текстов можно ли выявить в составе данной рукописи заговоры — переводы с одного языка на другой? Ни А. Л. Топорков, ни С. А. Мызников даже не ставят этого вопроса. Действительно, судя по переводам, таких текстов, представляющих собой точный или хотя бы вольный перевод (или же оригинал, послуживший основой для переводного русского заговора), среди западнофинских текстов сборника нет. Это очень важно: в случае тесного взаимодействия и сотрудничества восточнославянских и западнофинских чародеев такие тексты неизбежно должны были появиться и непременно присутствовали бы в составе подобного сборника.

Второй вопрос касается наличия общих мотивов, фразеологических оборотов и словосочетаний в заговорах на разных языках. Эта работа не проделана ни С. А. Мызниковым, ни А. Л. Топорковым, хотя для русских заговоров последним исследователем используется исключительно дробное членение на мотивы. Казалось бы, сравнение с западнофинскими текстами сборника напрашивается само собой; по-видимому, А. Л. Топорков посчитал эту работу сферой ответственности Мызникова. По существу, аналогичным образом он поступил и с текстами греческих заговоров, переводы которых были опубликованы в его книге 2005 г. Я. П. Талбацким⁵⁸. Таким образом, сопоставительный анализ славянских и неславянских текстов в обоих случаях предоставляется читателю книги. Конечно, предоставление читателю яркого сравнительного материала очень ценно, но все же позиция А. Л. Топоркова вызывает некоторое недоумение.

Необходимо отметить, что карельско-вепские заговоры ОС, как и русскоязычные, включают многочисленные христианские мотивы. Это, в частности, упоминания Иерусалима, царя Константина, Космы и Дамиана, креста. При этом персонажи христианского пантеона имеют западнофинские наименования: «Сюндюрухтина» («Господь Бог», в переводе В. Й. Мансикки — «Христос»), «Юмалдемя» («Богородица»), «пюга» («святая»).

⁵⁷ Старшая Эдда. С. 243.

⁵⁸ Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. М., 2005. Приложение на с. 406–428.

Отмечу некоторые выразительные параллели между западнофинскими текстами ОС и русскими (происходящими как из того же сборника, так и из других рукописей).

«Подымается из черного моря чернѣй человек (муж)» (С. 290, текст №1/№ 36). Русская параллель из той же рукописи указана в начале рецензии.

«Лут лугу, нивелет нивелеге, сустават сустав» (С. 291) — перевод: «Кость в кость, сустав в сустав, сустав в сустав». В русских заговорах того же сборника «Тело с телом, кровь с кровью» (С. 129); «Часть с частью, кость с костью, сустав с суставом» (Там же). Формула известна в древней индоевропейской традиции (Атхарваведа, второе Мерзбургское заклинание), весьма распространена в русских заговорах. Мотив «кость к кости» известен и в Ветхом Завете (Иезекииль 37: 7). Подобный текст представлен на новгородской берестяной грамоте рубежа XIV—XV в.: «...так ося разгори срдтце твое и тело твое и душа твоя до мене и до тела моего и до виду моего...».

«Пусть ему самому все войдет в голову и за пазуху» (С. 295). Ср. русский текст начала XIX в.: «А хто что подумает, ино б ему круг головы, да и в пазуху»⁵⁹.

«Плохого желающего, и навстречу идущего, и с лавки смотрящего, и на место приходящего» (С. 293). Ср. русский заговор того же сборника: «вперед идушаго, и создаи сугонящаго» (С. 122, 123), еще один заговор из рецензируемой публикации: «от стришново (то есть встречного) и от стнижново» (С. 507); «не стришными, ни постижными (то есть догоняющими)»⁶⁰, а также текст начала XIX в. «[от] сзаде находящего, спереде стретешего, из-заутоля, ис-под тульи глядящего»⁶¹. Подобные перечни в русских заговорах весьма многочисленны (см. также комментарий к с. 345).

Повторы и созвучия в начале заговоров «Тули тули, палои пало» (перевод: «Ветер дул, огонь горел»), «Кюи, кюи» («Гад, гад» (С. 297—300)). Ср. русский заговор из того же сборника «Здунь, здунь, буйной ветр, свей, свей медвяную росу» (С. 135) и «Червь, червь, гада, гаденно...» из более поздней рукописи (С. 505). Русское название второго карельско-вепсского заклинанья — «Слова змеинные» — имеет выразительную параллель в «Старшей Эдде» — «Речи Фафнира».

Не владея финно-угорскими языками, трудно найти все достоверные параллели, а также правильно оценить имеющиеся отличия. Обратимся к элементам западнофинских заговоров, отличающим их от восточнославянских.

Текст 1 (С. 290, 291): сверхъестественный персонаж и его чудесные помощники бьют, лягают, кусают и терзают когтями больного для его исцеления. Текст 8 (С. 302): «Растолок [ель] в крупу»; «заговорил я ту траву на голову зайца». Текст 6 (С. 298): «Во рту есть золото» (мотив, имеющий аналогию в «Младшей Эдде»⁶² — ?). Текст 4 (С. 296): «длина сенной веревки» (что-то вроде славянского мотива «веревки из песку» — ?). Текст 3 (С. 295): «Я, знающий знание; что скажет знающий сделать, пусть не сможет сделать».

Отметим многочисленные русизмы в составе западнофинских заговоров: «костел» (костыль), «капытат» (копыта), «саккаль» (сокол), «рабан Божиян», «сустав», «мерес синиижес» (синее море), «приступат», «шулку» (шелк), «урока», «прикосат», «папин» (поп), «диякан», «старицан», «церенкан» (чернецы), «гроба», «царь», «китовиян» (китовый), «призорат», «думат». Важно наличие в этом ряду специфических терминов, связанных с магией («уроки», «прикосы», «призоры»). В русских текстах сборника финно-угорские слова отсутствуют (или пока не выявлены).

Упоминания использования финно-угорских заимствований в текстах русских заговоров в научных публикациях мне неизвестны. Однако они, несомненно, должны присутствовать в некоторых из них. Мне известно лишь одно такое заимствование в сборнике заговоров начала

⁵⁹ ОЧ. С. 291.

⁶⁰ Там же. С. 266.

⁶¹ Там же. С. 204.

⁶² Младшая Эдда. С. 101—102.

XIX в. Это слово «хонга» (сухостойная сосна)⁶³. М. Фасмер указывает на его западнофинское происхождение (финн. *honga*, эст. *honga-ruu*; ср. родственное «конда», «кондовый»).

По поводу западнофинских текстов сборника возникают еще некоторые частные вопросы. В современной карельской письменности используется латинская графика. В публикации имеются два дублирующих воспроизведения западнофинских текстов; в специальных комментариях С. А. Мызников широко использует латинскую графику. Думаю, что полная публикация западнофинских текстов ОС в латинской транскрипции (наряду с побуквенным воспроизведением кириллического текста рукописи) могла бы быть полезна для финских коллег.

Еще один вопрос касается орфографии воспроизведения западнофинских текстов. В них неоднократно используется буква «э» (необычная для русских рукописей XVII в.). Что это? Гиперкорректная передача карельско-вепсской фонетики или отражение специфики рукописи? Может быть, это существенный аргумент для корректировки даты рукописи? Редкие случаи употребления старославянской буквы «е» в зеркальном начертании в рукописях допетровского времени рассматриваются в работе Б. А. Успенского⁶⁴.

Представляется, что в специальном приложении следовало более четко охарактеризовать уникальность рассматриваемых текстов в контексте древнейших случаев письменной фиксации западнофинских языков. Однако финноязычная берестяная грамота середины XIII в. из раскопок в Новгороде, представляющая собой запись заговора от молнии, известная А. Л. Топоркову (С. 243), почему-то вообще не упомянута в приложении С. А. Мызникова.

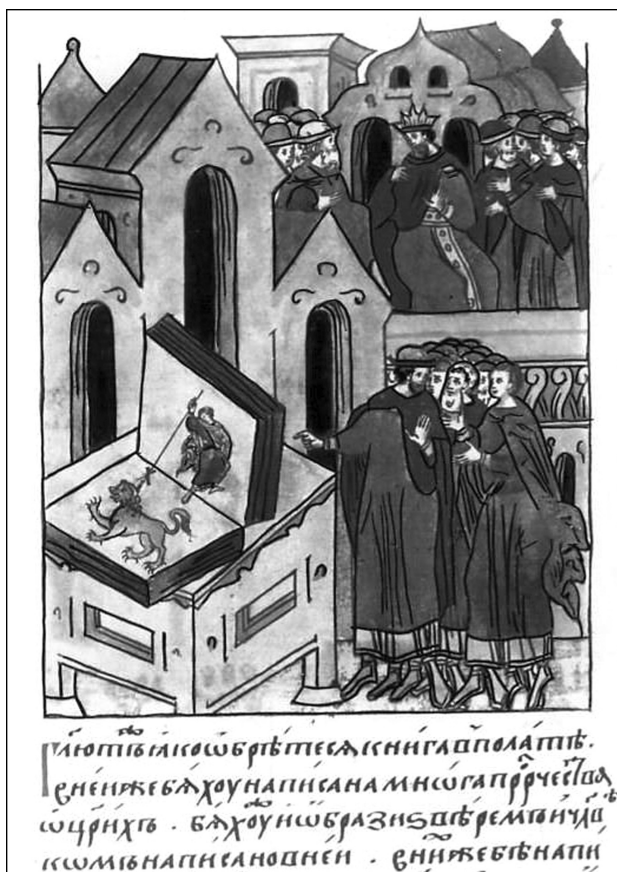

Рис. 1. Изображение иллюстрированной волшебной (гадательной) книги. Вторая половина XVI в., Лицевой летописный свод (Хронографический том РНБ. F.IV.151. Л. 881 об.)

⁶³ ОЧ. С. 293.

⁶⁴ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) М., 2002. С. 307. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Б. А. Успенскому за ценные консультации.

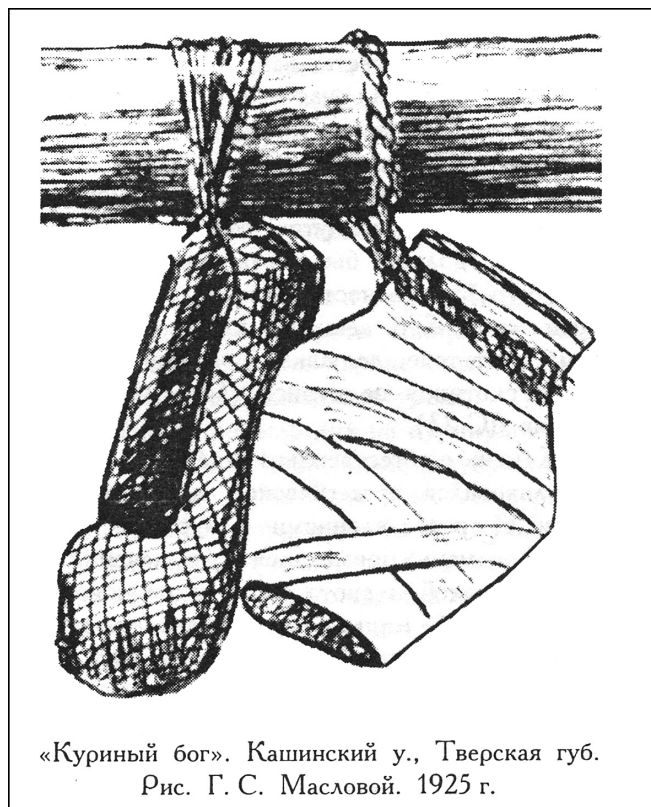

Рис. 2. Куриный бог. Тверская губ., Кашинский уезд. Зарисовка 1925 г.

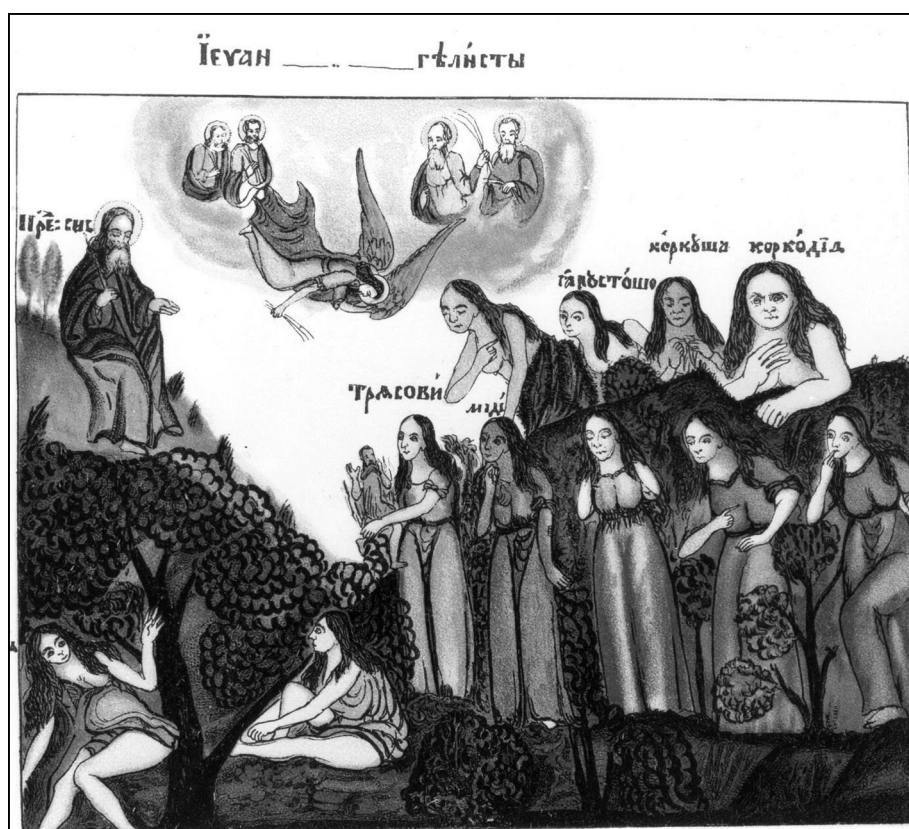

Рис. 3. Трясавицы (дочери царя Ирода, персонификация лихорадок) со св. Сисинием, четырьмя евангелистами и архангелом Михаилом (русская икона, Музей антропологии и этнографии, Санкт-Петербург)

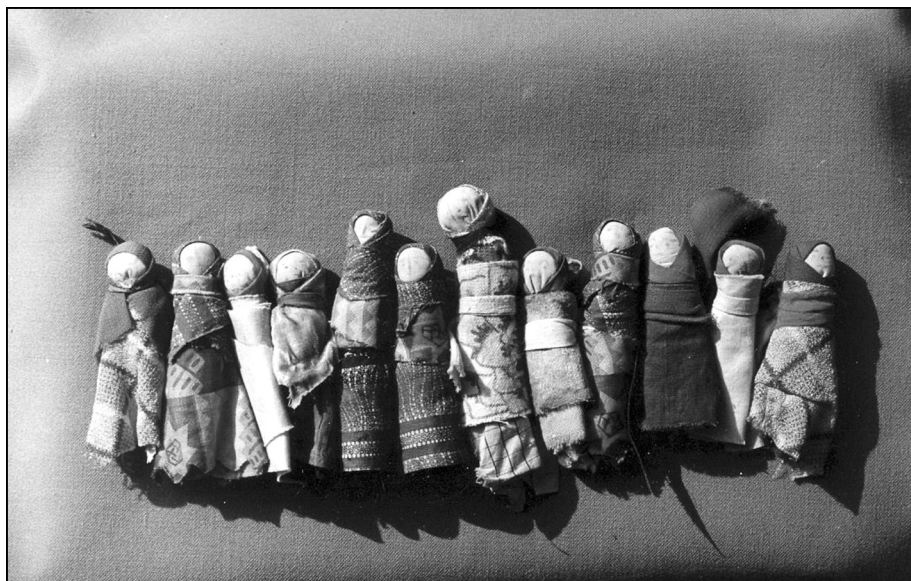

Рис. 4. Трясавицы (куклы-амулеты). Приобретены в Воронеже в 1931 г. (Музей антропологии и этнографии, Санкт-Петербург. Колл. 5866 № 144)

(Продолжение в следующем номере журнала)